

**Татьяна Галушко «Поэзия с годами
стала думой...»**

*Я живу, распахнув календарь,
предрешиённому часу навстречу.
Впереди у меня только даль,
одиночество слуха и речи.*

Теперь я обхожусь без черновых...
Поэзия с годами стала думой,
привычкой, неотступной и угрюмой,
без внешних признаков как таковых.

Не надо ни бумаги, ни стола,
уютного тепла и кабинета.
Мне кажется чужим богатство это.
Сосредоточиться — и все дела!

Между сплошными спинами в трамвае
я отдышу укромный уголок,
где затрепещет ласточка живая,
к немому слогу прилепляя слог.

У тополей немислимая статья,
но дрожь мучительней, чем слёзы ивы...
Тому, кто заставлял меня страдать,
я сострадала в самый миг разрыва.

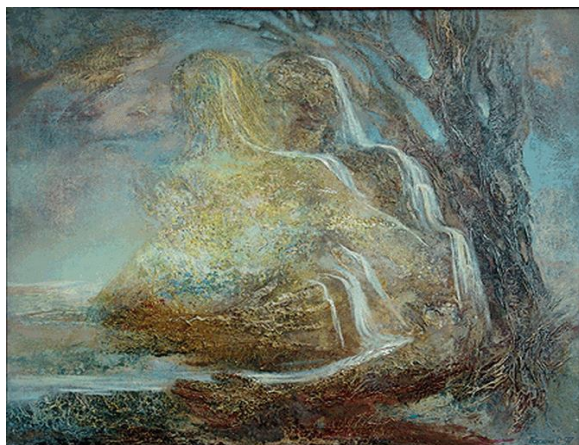
От жалости не поднимая глаз,
ждала, когда его устанет злоба.
Теперь мы квиты. И не правы оба.
Но я виновней: я сильнее из нас.

Вчера, едва окончилась гроза,
мне стало легче. Плакать перестала

и вышла. В гору подняла глаза
невидяще. И вот что увидела:

Вверху, испариной покрытый склон,
сам от себя кусками отрывался...
То розовый там уголь разгорался,
то гаснул, серым ветром занесён.

Там был погост. Там чьи-то две души
в платанах шелестели надо мною.
Там я прочла на камне под стеною:
«Обидеть медли, отомстить спешу».

Ты снишься мне — к беде. Ты не в минувшем,
а в будущем. И лишь заходит речь
о казни для меня, твой мир нарушен -
летишь впотьмах спасти, предостеречь.

А я во сне, не понимая цели,
которая назад тебя вела,
блаженствую, почти как в колыбели,
в защитном круге твоего тепла.

Ты наклонилась к девочке румяной,
в пижаме с верблюжонком на груди...
Что из того, что мне за сорок, мама,
я без тебя боюсь, не уходи!

Пожалуйста, побудь ещё немного.
Я не проснусь, пока не рассвело.
Я вызвала тебя своей тревогой.
Предчувствием. И видишь: помогло.

Зато наутро, вперясь в амальгаму,
в январское зеркальное кольцо,
я в нём узнаю не себя, а маму,
её непобедимое лицо.

Уж если голосом твоим
жизнь отреклась — не прекословлю.
Бесследно растворился дым,
венчавший наш очаг и кровлю.

Бегу сквозь комаровский лес,
от страха леденеют ноги,
а полнолуние на дороге
необгонимый чертит крест.

Какая сила вдруг рывком
прицельно вынесла к вокзалу,
втокнула в поезд, летний дом,
шепнув мне на ухо, назвала?

И вот он. Тайной тишиной
окно светилось. Печка рдела.
И женщина — к дверям спиной -
с тобою в комнате сидела.

Спаси меня не знаю кто!
Людей таких не существует.
Утешь, угрей, накинь пальто,
мне отовсюду смертью дует.

Прекрасна тьма, небес волшба,
в сугробе яркая лачуга.
А гибель — жёсткий контур чуда,
та дверь — в которую вошла.

Я, как Мария Петровых,
Была собою – во-вторых,
А кем была во-первых,
Не знаю. Разными людьми.
Тобою. Нашими детьми.
Сама себе соперник.
Сама себе дурак и враг,
И вечная растрата,
А всё, что написала, – так,
Скорей всего от страха,
Что впрямь рассыплется в золе
Душа моя, касатка,
И не оставит на земле
Живого отпечатка.

-Не тронь меня, и я тебя не трону.
Прикосновение — самооборона.
Забудь меня, и я тебя забуду,
и в никуда вернусь из ниоткуда.

Я замолчу, и ты пребудешь немом, -
но как реке избавиться от неба?
Но как глазам от глаз освободиться
и, всё вобрав, самим не погрузиться?

Я тень мою сотру с твоих ступеней,
но стены лишь усиливают пенье,
но линзы вызывают запах дыма.
Друг другом все объята и твердимы.

- Пусти меня! - Напрасно и стараться,
друг в друге растворясь, потом расстаться.
Прошедший мимо разве вправду минул?
Во мне он — как замедленная мина.

«Не тронь меня» ты хочешь. Но когда-то
ты станешь мной. И я не виновата.

Ах, я не хотела атласного тела -
я во поле белой берёзы хотела.

Пылающим пальцам три влажных пруточка,
протяжным губам три душистых гудочка.

Гудочек-жалейку, гудочек-побудок,
гудочек для дочкиных прибауток.

Ещё балалайку — побаловать вволю.
Так нет же, так нет же мне чистого поля.

Живу, не шелохну безветренной бровью,
живу, замерев замурованной кровью.

Но нежно и бережно, словно сквозь слёзы,
Над полем далёким всё брезжат берёзы...

Ладонями к твоим хочу лепиться
наперекор друзьям моим — врагам.
Напрасно им не пьётся и не спится -
все улицы ведут к твоим губам.

На перекрёсток тот, на перерыв
дыханий захлебнувшись, на волю
моей души. Всё небо оперив,
там облака сверкают, как от боли.

И вместе с нами падают в траву,
и вместе с нами реют над мостами.
Мы там лишь существуем наяву,
когда с мечтой меняемся местами.

Есть этот город. Вот чего
не отряхнуть. Есть этот город.
Его бездушное чело
в моем окне. Он слишком горек

моим губам — чтобы забыть,
моим глазам — он слишком солон.
Он мне рождением адресован
и волен потому — убить.

Я видела его во сне.
Он шёл по набережной к дому,
а я за шторою в окне
стояла, рот зажав ладонью.

Он шёл, ссутулясь, весь в снегу,
а шарф болтался нерадиво.
И боль родства, как резь в боку
меня прожгла и разбудила...

Ах, он понятия не имел,
что, вызванный тоской подспудной,
зимой, по Мойке малолюдной
спешил ко мне. И не успел.

Они ещё не ведают меня,
увлечены своим крошечным пиром.
Меж тем при свете чахлого огня
я дальновидна и хитра, как Пимен.

Инкогнито. Все когти — внутрь. Ого!
А после — что ж, пусть узнают, пожалуй,

как о болезни узнают по жару,
по лихорадке тела своего.

И удивятся, как я высока,
как ртути удивляются высокой.
А я им правдой обожгу уста
и голову потребую за око.

«Прощание с другом»

Прощай. Мы не расстанемся уже.
Теперь твой жребий принял вид канона.
Как стих. Как Летний сад, вечнозелёный,
с классической решёткой — на душе.

Теперь могу с тобой не второпях,
не на углу Литейного (о если б!),
стоять во всех прошедших временах,
в любом стихе, как на любой из лестниц,

болтая и куря, и на одну
минуту, прислонясь плечом друг к другу,
следить, как по немытому окну
скребёт когтями мартовская вьюга.

Прощай. Просторно памяти вдвойне
Во мраке той площадки поднебесной,
Где ты, картавый, юный и безвестный
Пил из бутылки черный каберне.

Не рвется время, как его ни рви.
Как ни кромсай — всегда одна анкета
у каждого действительно поэта:
проклятый вирус совести в крови,

друзья, тюрьма, сживание со света,
друзья, изнанье, прах чужой любви...

Нет, только умирать не на виду,
Не посреди детей своих кричащих.
Бежать, бежать к неуязвимой чаще...
Как зверь, беды к норе не приведу.

Свой безвозвратный отыскать овраг
С навесом хвои и высоким склоном,
Ну, не овраг, так мост, или чердак,
Или вагонный тамбур, или... словом,

Любое место, нужное как раз,
Да и не место даже — про-ме-жуток
Мгновенный, где неощутимей раз-
рыв меня со мною и — не жуток.

Ни детских глаз — нет, ни за что! — ни стен,
Всё, что угодно, но не стен, в которых,
Былая жизнь, как бабочкина тень,
Под абажуром бьётся и на шторах.

Утешает в тоске об исходе
С облетающим лесом родство.
Пусть уйду, когда в щедрой природе
Гибель выглядит как торжество.

Не во мрак, а в листву, что алея,
Осыпается с крон и крылец,
Перельюсь я, дитя Водолея,
Словно дождь, мой холодный близнец...

Ты мне даришь, кленовая чаща,
Шелестение света в руках,
Но уже опрокинута чаша
И сгущается плач в облаках.

Я вышла наугад:
пурга вилась кругом,
как дикий виноград
охлёстывая дом.

В последние часы,
не по-ночному храбр,
высокие Весы
выравнивал декабрь.

Год прожитый — как час.
Наш голод — словно пир.
Двух колыбельных чаш
колеблющийся мир.

Всё, что кричит во мгле,
всё, что молчит во рту,
на меховой земле,
на кружевном верху, -

не взять и не отнять.
Декабрь шептал: позволь,

я лишь хочу обнять
воспоминаньем боль.

Я лишь хочу помочь,
хочу смягчить сердца...
Я закричала: «Прочь!» -
и спрыгнула с крыльца

в метельную спираль,
во тьму, в собачий лай,
не то в былой февраль,
не то в грядущий май.

И колотьём в боку,
и серебром в глазу
я знала на бегу,
что тяжело — внизу

(не перевесит Бог,
не облегчит успех).
Метёт моя любовь,
как новогодний снег.

Белый свет, какой ты белый,
снежный свет, метельный мир.
Были беды, будут беды -
всё равно ты будешь мил.

Ослепительным и длинным
представляешься путём,
а в ночи сойдёшься клином
под высоким фонарём...

Чужой ты мне! Иди и странствуй,
и, крепче прожитых обид,
сосредоточенность пространства
нас, разлучённых, породнит.

Мой горький опыт дальнорюк:
в тебе рассвет не уцелел.
Глаза — пустынные озёра,
в них образ леса облетел.

А издали... Меж чёрных строчек,
как между беглых облаков,
свет ослепительный проскочит,
и был таков. И был таков...

И в миг письма, когда твой взгляд
безлюбым сходством околдован,
ты мне простишь наивный довод:
за сходство не благоволят.

Энергия важнее темы.
И вся задача — записать
все скрипы, шорохи и тени,
переполняющие сад.

А ну придвинься, это мой секрет:
вблизи глаза становятся родными
и добрыми, они соединимы
в движении, как бег блестящих рек.

За полшага — за тридевять земель,
а так мы — одинакового роста.
Так обморок взаимный. Или хмель.
Или, пожалуй, общее сиротство.

И нежность вновь сжимает мне виски
венцом остроконечным и мгновенным.
А можно оградить себя так верно:
всего лишь взгляд от взгляда отвести.

И если ты успел — твой правнук,
стихи забытые открыв,
почувствует, как в сердце прянет
запечатлённый твой порыв...

До — ещё под нижней линией
памяти. Ещё по ту
сторону лавин и ливней,
попадания под пяту,

до моей так называемой
умной жизни — было Ма-
ма — ромашкой несгораемой
над вершиною холма.

Ма-ма... мерно и таинственно,
первым звуком вслух и вглубь,
главным, если не единственным,
назначением для губ.

Всё великое и малое,
всё канун, а не канон -

всё именовалось мамою
или было без имён.

Вещи, звери и растения,
из которых я росла,
находились в кровной степени
мне доступного родства.

Издали теперь всё явнее,
что в блаженной той тиши
мама — было состояние,
возраст мира и души,

а не кто-то с дерзкой стрижкою,
с оттопыренной губой,
между ковриком и книжкой
на кровати голубой.

Я уже не имею в виду
напечататься в толстом журнале.
Может быть, в девяностом году
выйдет книжка, а впрочем, едва ли.

И по общему мнению тех,
кто пророчил мне в юности славу,
я на громкую роль и успех
безвозвратно утратила право.

Пожимают плечами друзья,
если кто-нибудь, неосторожный,
спросит, как я, пишу ли? - Семья, -
отвечают они односложно.

Но усмешка, порхнув по чертам,
точно птица по зимним деревьям,
задевает незажитый шрам
боли, бывшей когда-то доверьем.

Не одна я для вас не сбылась:
вы во мне для себя не свершились,

ибо в стае важнейшее — связь,
если небо редее, всё ширясь.

Я не каюсь, и не за что мне
извиняться. Всё вышло как надо.
Как посеяно там, в вышине,
улетевшего к прадедам сада.

Как ночное растенье в росе,
я в слезах на земле пиновала,
и, как все существующая, как все,
обделённой ни в чём не бывала.

Зря, друзья, ваши лица судей
леденеют в безмолвном допросе.
В безымянной общине людей
вы меня не узнаете вовсе.

Я живу, распахнув календарь
предрешённом часу навстречу.
Впереди у меня только даль,
одинокость слуха и речи.

Эта книга в стихах сложена.
Что же время, читая, запнулось?
Что совпало, чтоб я ожила,
в страшный сон из бессмертья вернулась?

Двадцать пятое было число.
Все дома, все сады занесло.
Накреньялся, над бездной скользя,
нашей юности зал именной.

Исчезали из дома друзья
под шипенье позёмки змеиной.
И стрелялись не в сердце, а в спины,
и вмешаться мне было нельзя.

Сколько жизней родных снесено
С этих улиц, избитых, как песни.
Странно, что уцелело письмо,
что оно никогда не исчезнет.

Как ждала я хранителя! Но
только хищники рвались из бездны.
Клад любовный растащен давно,
обесцененный и бесполезный.

Я ли это молю: только раз,
раз в неделю согрей — хоть прилюдно -
добрым взглядом жалеющих глаз...
Неужели добро непробудно?

Я ли это кричу: «Пропади
доля женская? Всех ненавижу!» -
И, дитя оттолкнув от груди,
наживаю кошёлками грызу?

А по улицам, в зимнюю ночь,
смазав чёрные едкие слёзы,
я ль от собственной смертной угрозы
убегаю неистово прочь?

Город бесчеловечный растёт
в ядовитом дыханье тумана
и меня ли - «Татьяна, Татьяна», -
дивный голос из дали зовёт?

При жизни у Татьяны Галушко вышло четыре сборника: «Монолог» (1966), «Равноденствие» (1971), «Образ» (1981) и «Древо времени» (1988). В 2003 году в Санкт-Петербурге в издательстве журнала «Звезда» вышла книга «Жизнь. Пoesия. Пушкин», составленную её близким другом Роней Зеленовой, написавшей предисловие к ней.

Рисунки: Ю.Барминова, К.Кузема, Б.Щербаков, С.Паршин, Д. Nolet, F. Perez, R.Blanc, H.Seeger.

Отдел обслуживания
художественной литературой
УНИЦ КНИТУ, Б-224